

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА.

Письмо Я. И. Ростовцова Фельдмаршалъ Лейтенанту Гауслабу.

Любезный генераль,

Старый мой другъ и товарищъ генераль-адъютантъ баронъ Ливень и полковникъ Вилламовъ передали мнѣ Вашъ поклонъ.

Баронъ Ливень, сверхъ того, сообщилъ мнѣ и лестное мнѣніе Ваше объ организаціи и ходѣ нашихъ Военно-Учебныхъ заведеній.

Мнѣніе это тѣмъ болѣе для меня утѣшительно, что оно есть результатъ не поверхностнаго осмотра, но пристальнаго изученія Вами нашихъ постановленій.

Я не питаю надежды въ скоромъ времени лично поблагодарить и обнять Васъ и потому съ большимъ удовольствіемъ исполняю это, хотя заочно.

Баронъ Ливень передалъ мнѣ слѣдующія Ваши слова: «что Вы видѣли въ Россіи очень много хорошаго, но что болѣе всего удивило и поразило Васъ превосходное состояніе и глубоко-обдуманное законодательство Военно-Учебныхъ заведеній; что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Вы почти тоже самое предлагали Вашему правительству; что оно идей Вашихъ тогда не приняло и что Вы теперь, съ торжествомъ, повторите свои прежнія предположенія, подкрѣпивъ ихъ осуществленіемъ на самомъ дѣлѣ, у насъ, въ Россіи.

Заслуживаемъ ли мы дѣйствительно этого приговора?—если жехотя нѣсколько такъ, то да поможетъ Вамъ Богъ въ Вашемъ полезномъ намѣреніи.

Баронъ Ливенъ мнѣ сказалъ, что, зная хорошо по русски и прочтя все, что издано о нашихъ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ, Вы сдѣлали только одно замѣчаніе: не много ли у насъ предметовъ ученія?

Разсматриваемое безотносительно, замѣчаніе Ваше совершенно справедливо.

Много и долго мысль эта тревожила и меня самого; много бессонныхъ ночей проведено мною для уясненія и разрѣшенія этого вопроса, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и размышленій и послѣ *нѣсколькихъ лѣтъ* обсужденія вопроса этого съ покойнымъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, пересоздателемъ Военно-учебныхъ заведеній, Его Высочество глубоко убѣдился, что, если нѣкоторыя неудобства отъ такого объемистаго курса ученія дѣйствительно и есть, то неудобства эти устранить невозможно безъ вреда, *по примѣненію къ Россіи*, еще несравненно большаго.

Вы знаете, почтенный генераль, что въ наукѣ администраціи и въ педагогикѣ нѣтъ ни одной истины, которая была бы безусловно для всѣхъ государствъ и народовъ.

Врядъ ли на чемъ либо справедливость этого вывода оправдывается съ такою очевидностію, какъ на замѣчаніи Вами сдѣланномъ.

Образованность и просвѣщеніе открылись для Россіи только около ста лѣтъ тому назадъ самодержавною волею одного изъ величайшихъ государей въ мірѣ.

Императоръ Петръ I насильно принудилъ насъ учиться.

Его указанію слѣдуютъ неуклонно до сихъ поръ его преемники.

И теперь, еще точно также какъ и при Немъ, правительство есть представитель и единственный двигатель просвѣщенія и науки въ Россіи. Ученія и учебныя заведенія, правительствомъ основанныя и только Имъ, съ огромными пожертвованіями, поддерживаемыя, суть единственные разсадники образованія. Просвѣщеніе у насъ въ массы еще не проникло и общественной жажды еще не составляетъ.

Отъ того. домашнее воспитаніе еще и доселѣ весьма у насъ несовершенно, даже и въ такихъ, нерѣдко, семействахъ, матеріальныя средства которыхъ способствовали бы вполне вести его правильно.

Знаніе и образованность поддерживаютъ у насъ и доселѣ только строгими научными требованіями правительства отъ вступающихъ на службу и щедрыми пенсіями ученымъ.

Ослабьте эти требованія и эти пенсіи и просвѣщеніе быстро пойдетъ у насъ назадъ.

Примите во вниманіе и то, что воспитанники наших Военно-Учебныхъ заведеній, *будучи все* дворяне, на основаніи Высочайше дарованныхъ имъ правъ, занимаютъ, по окончаніи курса, самыя разнообразныя положенія въ обществѣ; что изъ ихъ среды Правительствомъ назначаются, впоследствии, лица для замѣщенія самыхъ разнородныхъ, не только важныхъ, но и самыхъ высшихъ мѣстъ, по всемъ безъ изыятія отраслямъ управленія военнаго и гражданскаго; что, выходя изъ государственной службы, они остаются землевладельцами, помѣщиками и избираются своимъ сословіемъ въ судебныя и административныя должности по мѣстному управленію.

Сверхъ того, несправедливо думаютъ иные, что офицеръ или генералъ долженъ быть только военнымъ специалистомъ; нѣтъ, онъ долженъ быть и человѣкомъ, и гражданиномъ, т. е. имѣть развитіе нравственное и знать современный бытъ, законы и исторію своего отечества.

Сообразите все это, и Вы убѣдитесь, что размѣръ учебнаго курса нашихъ кадетскихъ корпусовъ необходимо обуславливается и степенью просвѣщенія Россіи, и нашими нравами, и нашимъ общественнымъ и политическимъ положеніемъ.

Воспитанники поступаютъ у насъ въ кадетскіе корпуса 6, 7, 9½, 10 и 11½ лѣтъ, оканчиваютъ курсъ 18-ти, 19-ти и 20-ти.

Девять или десять лѣтъ школьнаго ученія есть, для огромнаго большинства, единственное въ цѣлой жизни время, посвященное занятію науками.

При поступленіи въ заведеніе, большая часть воспитанниковъ едва умѣетъ читать и очень слабо знаетъ четыре начальныхъ дѣйствія Ариметики; по выходѣ изъ кадетскаго корпуса, большая же часть разстается навсегда съ книгами и даже рѣдко слышитъ о наукѣ потому, что образованіе въ нашемъ обществѣ еще мало разлилось.

Въ корпусѣ онъ долженъ получить образованіе и общее, и спеціально-военное, здѣсь необходимо дать ему *основныя понятія* о многихъ общихъ наукахъ и *раціональныя* по наукамъ военнымъ. Понятія въ общихъ наукахъ дать *только основныя* надобно потому, что выучить имъ вполне въ такомъ сжатомъ объемѣ времени и въ такомъ не зрѣломъ возрастѣ невозможно, а дать ему *эти понятія* необходимо, дабы, оставивъ военную службу и избравъ другое поприще, или почувствовавъ расположеніе къ какой бы то ни было наукѣ, бывший кадетъ могъ учиться самостоятельно и строить нужное ему зданіе на фундаментѣ уже готовомъ, необходимымъ при его новыхъ занятіяхъ.

Сверхъ того, наши корпуса служатъ разсадникомъ для комплектованія трехъ высшихъ специальныхъ Военно-Учебныхъ Заведеній; училищъ: Артилерійскаго и Инженернаго и Военной Академіи—и потому весь курсъ ихъ долженъ быть приравленъ ко вступительному экзамену въ высшіе (офицерскіе) классы этихъ заведеній, слѣдовательно требуетъ большихъ свѣдѣній и математическихъ, и политическихъ, и военныхъ.

Вотъ причины, почему курсъ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеній такъ разностороненъ.

Часто и долго задавали мы себѣ вопросъ: что бы изъ этого курса можно было выключить, и не находили ничего. Не находили потому, что военной науки ни одной исключить нельзя; общія же науки, въ корпусѣ преподаваемыя, *необходимы всѣ* для цѣлей вышеизложенныхъ. Если же изъ общихъ наукъ исключить нѣкоторыя для того, чтобы остальные преподавались и глубже, и обширнѣе, то это было бы важною ошибкою, крайне вредною для арміи потому, что *и насъ* всякій односторонній ученый специалистъ оставляетъ военную службу и дѣлается индивидуаломъ, собственно для арміи потеряннымъ ¹⁾.

Кромѣ этихъ административныхъ причинъ есть еще и причина педагогическая, почему въ нашихъ Кадетскихъ корпусахъ удѣлится много времени для повторенія уроковъ и для самостоятельныхъ занятій воспитанниковъ невозможно.

Причина эта—недостатокъ въ искусныхъ педагогахъ.

Въ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, состоящихъ изъ двухъ-сотъ, четырехъ-сотъ, шестисотъ и даже изъ тысячи воспитанниковъ, вовсе неподготовленныхъ къ самостоятельному труду воспитаніемъ домашнимъ, свободные отъ классовъ часы проводились бы въ праздности и шалостяхъ, сначала невинныхъ, потомъ предосудительныхъ, а, наконецъ, и вредныхъ, какъ для умственнаго такъ и для нравственнаго образованія!—Чтобъ отвратить это зло, было бы одно вѣрное средство: поручить воспитанниковъ, въѣ классовъ, надзору опытныхъ и просвѣщенныхъ педагоговъ, которые могли бы руководить дѣтей при повтореніи ими уроковъ, при ихъ чтеніяхъ и при другихъ умственныхъ занятіяхъ; могли бы дать имъ полезный совѣтъ и удерживать ихъ (нравственнымъ авторитетомъ), отъ дурныхъ склонностей и шалостей.

При такихъ педагогахъ свободные часы замѣнили бы съ отличною пользою уроки классные и были бы, во всѣхъ отношеніяхъ, истиннымъ для кадетскихъ корпусовъ благодѣяніемъ.

Но гдѣ взять такихъ педагоговъ!

¹⁾ Разумѣется, кромѣ специалистовъ Военныхъ, которыхъ мы стараемся готовить въ большемъ, по возможности числѣ.

Педагогія еще во младенчествѣ не только у насъ, но и у Васъ и во всей Европѣ.

Подъ главнымъ начальствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича состоятъ нынѣ двадцать пять Военно-Учебныхъ Заведеній; въ нихъ воспитывается слишкомъ 8 тыс. дѣтей.

Положите, что на 10-ть или хоть на 15-ть кадетъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, одинъ такой педагогъ, и Вы найдете, что для одного этого вѣдомства потребно 700 или 800 особыхъ гувернеровъ, кромѣ учителей и офицеровъ фронтowych, изъ которыхъ весьма немногіе на это способны. Цифра огромная.

За недостаткомъ такихъ педагоговъ нужно было, по необходимости, сосредоточить ученіе и повтореніе преимущественно въ классахъ и назначить *меньше* часовъ для самостоятельнаго (по теории, а для безотчетнаго по практикѣ) труда кадетъ и всю программу кадетскаго дня распределить такъ, чтобъ воспитанникъ былъ въ непрерывномъ *отчетистомъ* занятіи,—то умственномъ, то физическомъ.

Вотъ главный рычагъ, которымъ два Августѣйшіе брата Государя и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, подняли кадетскіе корпуса.

Все, что я Вамъ говорю, суть факты и убѣжденія, извѣданные на дѣлѣ опытомъ многихъ лѣтъ.

Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на всѣ эти условія, учебный курсъ нашихъ Кадетскихъ Корпусовъ былъ бы не только не обширенъ, укладывался бы съ излишкомъ просторно въ данное время, если бъ были въ точности примѣнены къ практикѣ общія начала преподаванія, выраженные въ Высочайше утвержденномъ 24-го декабря 1848 года Наставленіи для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ этомъ основномъ законоположеніи для учебной части Кадетскихъ Корпусовъ указаны какъ общее направленіе преподаванія, такъ и главныя руководительныя начала по каждой наукѣ въ особености.

Ко вреду науки и ученія, не только въ Россіи, но и вездѣ, преподаваніе не успѣло еще сбросить съ себя схоластическихъ веригъ и не высвободилось еще изъ средневѣковой рутины. Мелочныя подробности, бесполезные факты, педантическія требованія профессоръ отымаютъ еще и до сихъ поръ отъ рациональнаго преподаванія чрезвычайно много времени, памяти и труда въ ущербъ свѣдѣній, составляющихъ основу науки.

Преподаваніе это, можетъ быть и полезное, чтобъ приготовить односторонне-ученаго, очень вредно въ школахъ, имѣющихъ цѣлю не специальную ученость, а образованіе общее.

Нынѣ, главное наше стараніе состоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи вышеозначеннаго Наставленія, упростать самое преподаваніе,

и мы, съ помощію Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, Слава Богу, въ этомъ отношеніи, идемъ впередъ.

Пока преобразование это не совершится въполнѣ; пока мы не пріучимъ учителей къ болѣе очищенному отъ схоластики взгляду на преподаваніе, до тѣхъ поръ, разумѣется, еще не всѣ препятствія будутъ устранены.

Но если, вѣрные этой цѣли и неуклонно и настойчиво къ ней стремящіеся, мы этого достигнемъ, въ чемъ я имѣю уже надежду твердую, то результаты этихъ усиленныхъ трудовъ будутъ изумительно для насъ благотворны.

Сознавая, однакожь, сами, всѣ неудобства обширнаго учебнаго курса, мы, для сокращенія его и для упрощенія методовъ преподаванія, работаемъ уже 12-ть лѣтъ.

Программы наши, четыре раза, съ тѣхъ поръ, упрощались и постепенно въ этомъ смыслѣ улучшались.

Въ прошедшемъ, 1852 году, Государь Наслѣдникъ, нашъ Главный Начальникъ, рѣшился рискнуть на первую попытку: увеличить *нѣсколько* число часовъ повторенія и самостоятельныхъ занятій для каждаго изъ семи классовъ кадетскаго корпуса.

Преобразование это сдѣлано вслѣдствіе 8-ми лѣтняго систематическаго подготовленія.

Къ двумъ, уже существовавшимъ, высшимъ спеціально военнымъ классамъ прибавленъ Его Высочествомъ, по соизволенію Государя, еще третій, въ который должны поступать только одни лучшіе, по успѣхамъ и нравственности, молодые люди, для окончательнаго, высшаго образованія.

Это дало Его Высочеству возможность перенести въ новый классъ многіе предметы ученія, принадлежащіе къ высшему и спеціально-военному образованію; а чрезъ то курсъ въ остальныхъ семи классахъ разложить гораздо просторнѣе и тѣмъ облегчить его значительно для массы учащихся, особенно въ Математикѣ.

Плоды этого важнаго для насъ преобразованія еще впереди. Оно возымѣетъ силу только съ половины 1854 года и опытъ покажетъ: въ какой мѣрѣ Россія и Военно-Учебныя Заведенія созрѣли для такого шага впередъ и можно ли будетъ, время отъ времени, мало по малу, удѣлять для каждаго класса кадетъ еще часъ за часомъ для занятій самостоятельныхъ?

Извините меня, Генералъ, что письмо мое вышло такъ длинно. Откровеннымъ замѣчаніемъ своимъ Вы коснулись предмета моихъ знятій и моей любви въ теченіе 20-ти лѣтъ.

Баронъ Ливенъ сообщилъ мнѣ также, что Вы, исполненные любознательности, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, собрали и прочитали все, что могли достать относительно нашихъ Кадетскихъ Кор-

пусовъ. Недоумѣвая: не осталось ли кое что для Васъ и неизвѣстнымъ, я поставляю себѣ въ пріятный, дружескій долгъ доставить къ Вамъ, съ этимъ письмомъ, по возможности полное собраніе главнѣйшихъ постановленій по нашимъ Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, а именно:

Наставленіе для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше утвержденное 24-го декабря 1848 года;

III томъ Свода Военныхъ Постановленій;

Приказы объ учрежденіи 3-го спеціального класса;

Наши учебныя программы и конспекты, или инструкціи учителямъ относительно преподаванія;

Наконецъ, краткій отчетъ о положеніи и ходѣ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеній въ нынѣшнее славное Парствование, которому единственно онѣ обязаны теперешнимъ своимъ состояніемъ.

Изъ этого послѣдняго документа Вы узнаете не только исторію нашихъ Кадетскихъ Корпусовъ, но, что гораздо важнѣе, увидите и всѣ подробности ихъ внутренней организаціи, во всѣхъ отношеніяхъ.

Я буду себя считать душевно Вамъ обязаннымъ, если Вы, разсмотрѣвъ всѣ эти данныя, въ особенности же Наставленіе, Приказы о 3-мъ спеціальномъ классѣ и Отчетъ, примите на себя трудъ, безъ церемоніи, сообщить мнѣ о Вашихъ при этомъ чтеніи впечатлѣніяхъ, съ тѣмъ же прямымъ, смѣю сказать, дружескимъ военнымъ чувствомъ, съ которымъ я теперь сообщаю Вамъ, что думаю я.

И, всегда, съ глубокою благодарностію принимаю замѣчанія людей просвѣщенныхъ и добронамѣренныхъ и мнѣнія ихъ цѣню всегда высоко.

Какъ былъ бы я счастливъ, если бъ и Вы извлекли, можетъ быть, для Вашей благородной арміи, намъ родной, хоть одну каплю меду изъ нашей недавно сколоченной бочки.

Въ настоящую эпоху Богъ велитъ Австріи и Россіи идти локоть къ локтю.

Примите, любезный Генералъ, искреннее увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и душевной преданности.

(Подлинное подписалъ) *И. Ростовцовъ.*

14-го февраля 1853 г.

С.-Петербургъ.

Сообщилъ М. М.